

ПИСЬМА
Гр. А. К. ТОЛСТОГО
КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

XXI ¹⁾.

Красный-Рогъ.—9 мая 1869.

Мнѣ кажется, что въ моемъ предпоследнемъ письмѣ я вамъ нагрубилъ. Чтобы изгладить впечатлѣніе, я хочу написать вамъ сегодня *идиллическое письмо*.

Помните ли вы, какъ разъ весенней ночью мы вернулись съ прогулки въ Пустынькѣ, вы и я, и вмѣсто того, чтобы лечь въ постель, мы стали читать „Die Götter Griechenlands“; И знаете, эта Пустыньская ночь была ничто въ сравненіи съ той, которая теперь дышетъ вокругъ меня.

Чтобы вернуться къ идилліи, я вамъ скажу, что сегодня ночь теплая, черная и чрезвычайно звѣздная и съ луннымъ свѣтомъ, похожимъ на серебряныя вышивки по черному бархату. Ночь тепла до духоты и сырая,—хочется раздѣться до-гола; соловьи поютъ до хрипоты, точно они хотятъ что-то доказать лягушкамъ, которыя не хотятъ ихъ понять.

И въ сосѣдномъ болотѣ издаетъ звуки, подобные мычанью быка, птица называемая (butor) выпь; а подъ моими окнами звучатъ короткія и металлическія ноты козодоя (caprimulgur),—точно кто-то щелкаетъ въ серебряный колокольчикъ.

¹⁾ См. выше: окт., стр. 628.

Солнце только-что зашло. Я возвращался вдоль рѣки съ охоты на вальдшнеповъ и не узналъ края... Густой, плотный туманъ, точно рядъ облаковъ, подымался съ водъ и серебристой скатертью разстилался по лугамъ вплоть до ближайшей рощи, превращая этимъ рѣку и луга въ красивое неожиданное озеро. Но потомъ быстро, очень быстро наступила темнота; озеро засверкало подъ лучами мѣсяца, словно настоящая вода, и я вернулся домой весь мокрый, будто изъ-подъ дождя. Долго мы еще сидѣли на террасѣ, глядя на эту благословенную ночь и слушая лягушекъ, выпь, соловья.

Наконецъ, всѣ легли, а я не могу: я потѣю и восхищаюсь. Все поетъ, все трепещетъ, все звучитъ, а то, что не можетъ пѣть: нарциссы, сирень, простыя березки,—все это наполняетъ ночь самымъ краспорѣчивымъ благоуханіемъ.

А сквозь звуки дикой природы долетаетъ до меня шумъ деревни,—не голоса людей, хочу я сказать, а пѣнье пѣтуховъ, лай собакъ, которыя чувствуютъ близость волковъ, блуждающихъ вокругъ стадъ на ночевкахъ въ лугахъ, а потомъ кашель Мамона, столь многозначущій и ехидный. Мамонъ—старый *Hosen-trompeter*, который дѣлаетъ видъ, что охраняетъ домъ, пока у меня горитъ свѣтъ. Только-что я тушу свѣчку, онъ ложится и оставляетъ все на попеченіе Господа, Котораго служба — „не синекура“, какъ говорилъ Тютчевъ... Но когда же эти господа—я хочу сказать: соловьи, лягушки и другое звѣрье—спятъ, такъ какъ при восходѣ солнца шумъ не умолкаетъ; только одна выпь замолчить и скроется, точно щепка гнилого дерева, въ какую-нибудь дыру, пока кто-нибудь на нее не наступитъ. Совы и филины—все запрячется въ какія-нибудь щели или дупла старыхъ дубовъ; но соловьи будутъ продолжать, а жаворонки и скворцы и всякая всячина присоединится къ нимъ и будетъ сплетничать на всевозможные лады.

Одно слово на ухо: между 12-ю и 1 час. дня деревенскія барышни гуляютъ... въ тростникахъ возлѣ рѣки, чтобы рвать ирисы и изъ нихъ плести себѣ вѣнки. Пріѣзжайте смотреть на нихъ, но не говорите никому.

Вотъ идиллія!

Маленькое прибавленіе къ идилліи.

Я, было, легъ въ кровать, написавши вамъ, какъ вдругъ, безъ всякаго предисловія, разразилась страшная гроза. Громъ и молнія, потоки дождя и вѣтеръ достаточно сильный, чтобы вырвать съ корнемъ даже убѣжденія К—ва, и все это набѣжало въ одинъ

мигъ, какъ выстрѣлъ—не изъ пистолета, а изъ трехсотъ пушекъ... и все это продолжалось только пять минутъ, послѣ чего вѣтеръ, дождь, громъ, все убѣжало галопомъ въ сторону Почепа, гдѣ процвѣтають эпигоны К—ва.

Тишина опять возстановилась, и соловей опять запѣлъ. Это было совершенно какъ увертюра изъ „Вильгельма Теля“... Итакъ, тишина возстановилась, и новый пѣвецъ присоединился къ оркестру, а именно дергачъ.

Послѣ ночи явился день, что меня не удивляетъ; но, услыхавъ соловья и жаворонка въ одно время, я припомнилъ маленькую семейную ссору между Ромео и Джульеттой.....

Ко всему привыкаешь, даже къ обычаямъ почты: когда-то я возмущался, а теперь мнѣ кажется совершенно натуральнымъ, что „Вѣстникъ Европы“ приходитъ сюда на 18-й день, а письма—на 10-й день.

XXII.

Красный-Рогъ.—12 мая 1869.

Едва я отправилъ мою идиллію, какъ почувствовалъ неодолимое желаніе продолжать; вы—сосудъ, куда я изливаю всѣ эстетическія чувства, какія нисходятъ на меня.

Вообразите себѣ, что въ эту минуту луна настолько блестяща и у нея такъ много рельефа, что, кажется, можно видѣть глубину неба темносиняго цвѣта, не только вокругъ нея, но и за ней. Точно видишь ее въ стереоскопъ, и отблески ея такъ сильны, что освѣщенная зеленая трава и деревья не теряютъ цвѣта. Все это не имѣетъ смысла въ петербургскихъ лепрозныхъ ночахъ, но здѣсь, гдѣ все черно,—это что-то невыразимое, въ родѣ имени Адонай, которое я предпочитаю Іеговѣ...

Днемъ я ѣздилъ съ нашимъ докторомъ на лодкѣ по нашей узкой, но очень глубокой рѣкѣ. Мы гребли въ продолженіе нѣсколькихъ верстъ сперва между деревьями, вѣтки которыхъ низко спускались надъ лодкой и переплетались въ тростникахъ, гдѣ на дняхъ ходили нимфы...

О, Сиринксъ! О, Дафна!

Я понимаю сатировъ, но не извиняю ихъ!.. Нѣтъ, я ихъ извиняю!

Потомъ мы гребли между полями, цвѣтушіе края которыхъ окаймляли рѣку; потомъ мы вошли въ тѣнь дубовъ и березъ; потомъ рѣка становилась уже и уже, и мы запутывались въ вѣт-

кахъ, выскочили на землю и пошли въ оврагамъ, чтобы передать нашу лодку на попеченіе полевого сторожа Семена, бывшаго солдата Его Величества.

Соловьи поютъ, Мамонъ кашляетъ съ хитростью. Сегодня нѣтъ лягушекъ, онѣ сосредоточиваются, потому что завтра справляютъ свадьбу передъ г. мэромъ. Это очень противно, — не знаю, видѣли ли вы это когда-нибудь?

Душа полна чувствъ,
Не знаю, кому передать...

XXIII.

Красный-Рогъ.—19-го мая 1869.

Я послалъ маленькое стихотвореніе, посвященное вамъ, — не только А. Толстой, но и Θ., который жалуется всегда, что я вамъ посылаю стихотворенія, которые его касаются.

Кажется, это называется охранять равновѣсіе Европы, — и видите, насколько мало я — „Поза“; я — чистый Макиавель, Меттернихъ, я скажу болѣе, я Ч....

Въ эту минуту я весь въ поту, такъ какъ у насъ опять бархатная ночь, — безъ луны, но вся испещренная молніями и теплая до духоты.

С. принялъ моего „Владимира“ съ удовольствіемъ, даже находитъ его слишкомъ хорошимъ для лѣтнихъ мѣсяцевъ и предлагаетъ мнѣ напечатать его осенью.

Уфъ!.. Я такъ потѣю, что все снялъ, кромѣ самаго необходимаго, и понимаю древнихъ людей, носившихъ на себѣ такъ мало, что эта мода поощряла ваяніе. Я понимаю всякія древнія празднества — сатурналіи, вакханаліи, праздникъ Вона-Деа и т. д. Я понимаю сатировъ и прощаю имъ, потому что въ такую погоду я чувствую себя христіаниномъ... Если это будетъ продолжаться, я почувствую себя кармелитомъ и капуциномъ.

Я понимаю шутливаго аббата, который, чтобы сыграть штуку съ св. Бенедиктомъ, послалъ мимо монастыря, подъ самыя окна келій, толпу молодыхъ дѣвушекъ, одѣтыхъ вакханками, поющихъ гимны Низійскому богу и размахивающихъ тирсами.

Монахи не устояли, послѣдовали за процессіей и пѣли свои литіи на напѣвъ — тра-ла-ла!

Но св. Бенедиктъ обидѣлся и перемѣнилъ резиденцію: онъ пошелъ въ Субіако и катался въ колючихъ кустахъ, чтобы умерт-

вить плоть. Я хочу написать на это балладу. Прощайте, до свиданья. Эвое!

Neus Evoie! Vivat Evander!

Я понимаю, что богъ природы, который и есть господинъ всего міра,—назывался *Панъ*; я увѣренъ, что онъ былъ хохоль родомъ.

XXIV.

Красный-Рогъ.—24-го мая 1869.

Amice dulcissime, такъ какъ положительно рѣшено, что мы не будемъ говорить о политикѣ, то полезно резюмироваться, прежде чѣмъ замолчать.

Вы желаете единства Россіи—я тоже. Вамъ было бы пріятно, чтобы разныя національности, которыя вы отрицаете, но которыя тѣмъ не менѣе существуютъ и которыя составляютъ русское государство, всѣ бы слились въ русскую націю—мнѣ тоже. Но вы хотите дойти до этого принудительными мѣрами и даже одобряете систему М... и Ч...—Вотъ здѣсь наши пути раздѣляются и даже расходятся въ совершенно противоположныя стороны. Вы можете сомнѣваться въ фактахъ, вы можете утверждать, что они преувеличены или извращены, но разъ у васъ въ рукахъ будутъ доказательства и вы будете все-таки продолжать одобрять эту систему—я вамъ скажу то, что тѣнь Брута говоритъ Цезарю: „Ступай налѣво,—я хочу идти направо!“

Итогъ: мы того же мнѣнія по отношенію къ цѣли, но мы не сходимся насчетъ способовъ.

Ваше мнѣніе можно выразить слѣдующими словами: навязать русскую національность всѣми средствами. А моя мысль сводится къ слѣдующему: сдѣлать такъ, чтобы эта національность была *желательна*.—Вы говорите: уравниемъ все, *понижая* уровень чужихъ народностей. Я же говорю: *уравниемъ все, возвышая русскій уровень*.—Вы мнѣ на это скажете: но это не сдѣлается въ одинъ день! Я вамъ отвѣчу: очень жаль,—вотъ и все! Мнѣ кажется, что при дѣйстви во всемірной исторіи закона аналогіи—моя система единственная настоящая, единственная достигающая цѣли. Мнѣ кажется, что ваша система никуда не годится,—не оттого, что она безнравственна, но оттого, что она дѣйствуетъ діаметрально противоположно своей цѣли. Я вамъ уступаю безнравственность мѣръ въ политикѣ—видите, я великодушень.

Екатерина была совершенно права, когда она покупала голоса польскихъ магнатовъ за большія деньги, чтобы достичь раз-

дѣла Польши; но я не одобряю ничтожныхъ и постыдныхъ мѣръ, повѣрочныхъ комиссій, посредниковъ и т. п. въ нашихъ губерніяхъ волынской и подольской, потому что, съ одной стороны, онѣ служатъ только для того, чтобы утолить злобу чиновника ко всѣмъ, которые могутъ руки, а съ другой стороны, для того, чтобы возмущать (и совершенно правильно) волынскихъ помѣщиковъ, *не приобретаая привязанности народа*. Это не только безнравственно, но и *глупо*. Я думаю, что я обозначилъ настоящій пунктъ нашихъ преній, и мы можемъ теперь на этомъ успокоиться.

Если я вамъ не пишу сегодня идиллій, это оттого, что погода перемѣнилась. Вдругъ задулъ такой сѣверный вѣтеръ, что могъ бы вырвать рога у самого Н., и вмѣсто 35 гр. тепла въ тѣни сегодня ночью у насъ былъ 0!

Во время послѣдней бури много скота было убито; на дорогѣ нашли убитую лошадь и телѣгу въ кускахъ. Весь хлѣбъ нашей границы до Брянска побитъ градомъ. Наши поля были пощажены. Насъ это миновало, и ничто не можетъ равняться съ красотой нашихъ полей. Всѣ орхидеи Европы находятся здѣсь въ изобиліи, и кромѣ этого особенный сортъ, свойственный только Кр.-Рогу, и за которымъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ присылали изъ петербургскаго ботаническаго сада для разсылки образчиковъ по разнымъ другимъ ботаническимъ садамъ.

Развѣ вамъ не стыдно, что вы никогда не были здѣсь? Черезъ нѣсколько дней мы ждемъ маіора Фета.

Dicere mutatam Borissi formam fert animus.

Съ Божьей помощью я скоро примусь за него, а то эти превосходные и славные норманны, эти доблестные балтійскіе дворяне (еслибы я только допустилъ это) увлекутъ меня слишкомъ далеко.

XXV.

Красный-Рогъ.—26-го мая 1869.

...Нападеніе на непріятеля внѣ назначеннаго для борьбы мѣста не признается благороднымъ.

Вамъ достаточно было доказать, что человекъ — *не правъ*. Причины, которыя привели его къ этому, находятся внѣ вопроса и могутъ дать вопросу отгѣнокъ сплетней, тѣмъ болѣе, что вы только намекаете на эти причины и тѣмъ даете вашимъ намекамъ видъ *инсинуаций*.

Я могу находить, что какая-нибудь картина дурна, но я не долженъ въ своемъ отчетѣ о ней говорить, что она дурна потому,

что живописцу мѣшали работать его частые визиты къ Мальвинѣ Карловнѣ, которой онъ недавно подарилъ браслетъ, купленный въ англійскомъ магазинѣ за 158 рублей, — деньги, полученные имъ отъ жены, чтобы уплатить долгъ ея брата, г-на Щевелева, который сдѣлалъ этотъ долгъ тому лѣтъ шесть, чтобы съѣздить въ Старую-Русу.

Всѣ наши полемисты и неблагородное стадо фельетонистовъ не умѣютъ полемизировать, — они не разсуждаютъ, а ругаются...

Х. называетъ всякое мнѣніе, противное его собственному — *доносомъ*, а У. — *измѣной*. Еслибы я былъ (жалѣю, что этого нѣтъ) призванъ оправдывать мой *тостъ* за всѣхъ подданныхъ государя, К. — овъ назвалъ бы меня измѣнникомъ, и тутъ-то я его и поджидалъ...

Одоакръ былъ совершенно правъ: когда на парадѣ Ромуль Августуль выбранилъ его за то, что онъ слишкомъ выдвинулъ лѣвую ногу, онъ сказалъ, обращаясь къ центуріону Шульцу — германскаго легіона: „Caesar schimpft, also Caesar hat unrecht“ (Цезарь бранится, значить Цезарь не правъ). Вы знаете, какъ кончился этотъ маленькій инцидентъ.

Я видѣлъ въ Равеннѣ остатки брони Одоакра, котораго Теодорихъ (Тейторихъ) велѣлъ похоронить въ своемъ саду, послѣ того, какъ отрубилъ ему голову (учтивость, которая меня всегда трогала). Броня должна была быть очень красива — чернь и серебро — *тульской работы*.

Поѣзжайте въ Равенну — хорошій городъ, куда никто не ѣздитъ, такъ что въ ней существуетъ только одна гостинница — „Золотой Мечъ“, гдѣ кельнеры служатъ дамамъ вмѣсто дѣвушекъ, если дамы имъ это позволяютъ. Равенянки замѣчательно красивы и необыкновенно хорошо сложены.

Послѣ захода солнца я пошелъ гулять и дошелъ до дворца Теодориха, у двери котораго я нашелъ молодую дѣвушку; съ ней мнѣ захотѣлось поговорить, и, чтобы вступить въ разговоръ, я спросилъ ее, не боится ли она привидѣній? — Совсѣмъ нѣтъ, сказала она. — Но вы живете въ этой руинѣ? — Ужъ не такая руина, какъ вы думаете! — сказала она. — Я бы очень хотѣлъ ее осмотрѣть... — Пойдемте со мной, и я васъ всюду проведу...

Такъ хорошо меня она вела и такъ хорошо мы шли, что всюду пролѣзли вмѣстѣ по византійскимъ лѣстницамъ, и ночь наступила прежде, чѣмъ мы дошли до верха дворца. Ночь наступаетъ очень скоро въ Равеннѣ, и тогда *мушолы* сверкаютъ по улицамъ, которыя всѣ покрыты травой, кустами и красными маками.

Я не могъ уже ничего разглядѣть, и она должна была дать мнѣ руку. И тогда мнѣ пришла мысль испугать ее, и я сказалъ ей, что я—*Одоакръ*, погребенный въ саду. Она стала дрожать, и мнѣ стоило большого труда доказать ей, что я не привидѣніе, а человѣкъ съ плотью и кровью. Сегодня я не язычникъ, но византиецъ, такъ какъ воспоминаніе о Равеннѣ меня преслѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что холодъ прошелъ, и ночь опять теплая и черная. Меня это наводитъ на мысль, что вы могли бы быть византійскимъ діакономъ времени Юстиніана. Эти діаконы служили прототипами аббатовъ времени Людовика XV. Они присутствовали при туалетѣ константинопольскихъ дамъ. вмѣсто мадригаловъ они читали имъ диссертациі о двойственности природы во Христѣ и объ обязанностяхъ грамматиковъ, пока эти дамы завивали себѣ волосы и надѣвали прозрачныя туники, на краяхъ которыхъ было вышито поклоненіе волхвовъ. Въ циркѣ же элегантные діаконы апплодировали зеленымъ и голубымъ, а иногда даже сами управляли колесницами. Потомъ всѣ вмѣстѣ отправлялись въ соборы стіла Тона! Въ общемъ было недурно.

Величаръ, въ просторѣчій называемый Велизаріемъ, родомъ иллиріецъ, — какъ и *Управда*, въ просторѣчій называемый *Юстиніаномъ*, — всякое утро приходилъ на поклонъ къ Θεодорѣ, и императрица при немъ шесть разъ переодѣвалась. Это очень сердило Нарзеса, но Θεодора любила его дразнить. Все это происходило во дворцѣ, сверкающемъ золотомъ и драгоценными камнями, по серединѣ города, наполненнаго діаконами въ небесно-голубыхъ или въ желто-шафраннаго цвѣта одеждахъ, бряцающими колесницами, славянами съ дубинами въ рукахъ и германцами съ оленьими рогами на головахъ. Все это, я вамъ скажу, было недурно. Послѣ чего приходили и совали вамъ въ глаза раскаленное желѣзо. Это было менѣе красиво.

Между тѣмъ, Равенна—городъ, окруженный непроходимыми болотами и сосновымъ лѣсомъ.

Я вамъ совѣтую поѣхать туда, пока вы еще не стали Нарзесомъ. Для Т. уже поздно ѣхать туда; не знаю даже, имѣлъ ли онъ когда-нибудь причину ѣхать туда, судя по его предисловію къ роману А... Я открылъ, что онъ принадлежитъ къ семейству криптогамовъ, какъ П. принадлежитъ къ семейству *madrés-porcs*...

XXVI.

...Я Катковецъ съ ногъ до головы, когда дѣло касается классицизма. Я дѣлаюсь непріателемъ Каткова, когда онъ проповѣдуетъ или извиняетъ *повпрочныя комиссії*, или когда онъ подымаетъ знамя крестоваго похода противъ балтійскихъ провинцій.

— Читали ли вы критику на „Обрывъ“ въ „Зарѣ“? Я немного раздѣляю мнѣніе покойнаго (В. П.) Боткина насчетъ этого романа, но такъ чернить Гончарова—это уже слишкомъ сильно. Странный фактъ, — вся наша критика находится въ рукахъ одной *клички*, за рѣдкими и робкими исключениями. Девизъ этой клички— *война искусству*. Будемъ обходиться и безъ ихъ мнѣнія...

XXVII.

Красный-Рогъ.—23-го юня 1869 (канунъ Ивана Купала).

Дорогой другъ, чтѣ съ вами? Сто лѣтъ не имѣю отъ васъ извѣстій.

Папоротникъ зацвѣтетъ въ эту ночь, и я съ Александромъ Гагаринымъ готовлюсь захватить этотъ расцвѣтъ въ лѣсу,—расцвѣтъ, окруженный страхами и чарами, которые стараются помѣшать намъ сорвать этотъ лучезарный цвѣтокъ, подобный звѣздѣ; онъ далъ бы намъ обладаніе кладами, зарытыми въ Папицкомъ урочищѣ, гдѣ разбойникъ *Худояръ* спряталъ боченки, наполненные золотомъ, во времена Алексѣя Михайловича. Это—несомнѣнно: курганы существуютъ, я ихъ разрывалъ приблизительно лѣтъ тридцать тому назадъ и нашелъ только скелеты и разбитые горшки, но я тогда не принялъ мѣръ, чтобы эти изысканія произошли наканунѣ Иванова дня. Въ 1850 году, тому назадъ 19 лѣтъ, я поѣхалъ въ окрестности Калуги (во время моего изгнанія съ Клементіемъ Россети) въ лѣсъ, присутствовать при расцвѣтѣ папоротника, но Россети такъ испугался какой-то бѣлой тѣни, которая перешла намъ дорогу, что не захотѣлъ продолжать операцію.

Это было въ то время, когда его сестра произвела на меня такое сильное впечатлѣніе, что разъ какъ-то, когда я купался и увидѣлъ ее, появившуюся на ослѣ, я чуть было не потонулъ... Давнишняя исторія...

Вы свѣтъ, а я похожъ на тьму;

Вы веселы, а я печаленъ;

Вы параллельны ко всему,
А я, напротивъ, вертикаленъ!

...Теперь шесть час. утра, и я только-что вышелъ снова на балконъ, или, лучше сказать, на террасу.

Пѣтухи поютъ, точно у нихъ контрактъ съ *неустойкой*. Поваръ Денисъ и кухарка Авдотья только-что затопили печку въ кухнѣ, чтобы печь хлѣбъ. Нѣсколько огней загорѣлось на той сторонѣ озера. Все это хорошо,—это то, чтѣ я люблю, я могъ бы такъ прожить всю жизнь,—но я сдѣлаю все возможное, чтобы повезти мою жену въ Венецію или въ Пустыньку. Она хотѣла бы навѣрное знать, есть ли Наполеонъ III или нѣтъ? Мнѣ это все равно! Чтѣ мнѣ за дѣло! Я знаю, что есть Денисъ и Авдотья, и мнѣ этого достаточно. Вы мнѣ скажете, что это настроеніе неблагородно, но чтѣ мнѣ за дѣло? Этого настроенія для меня достаточно! Чортъ возьми Наполеона III и даже Наполеона I! Если „Парижъ стѣдитъ обѣдни“, то Красный-Рогъ съ своими лѣсами и медвѣдями стѣдитъ всѣхъ Наполеоновъ,—всѣхъ, какіе бы ни были счетомъ.

Вотъ видите, мнѣ жаль было бы отказаться отъ возможности когда-либо васъ увидѣть, но я охотно отказался бы знать, что происходитъ въ *seculum*.

Я знаю, что я буду посрамляемъ передовыми людьми, но мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ...

Еслибы я видѣлъ полезное дѣло передъ собой, что-нибудь такое, чтѣ въ предѣлахъ *моихъ дарованій*,—я бы не отказался, но мои дарованія слишкомъ діаметрально противоположны дарованіямъ *передовыхъ людей*... и я могу только махнуть рукой... Остается *истинное, вѣчное, абсолютное*, чтѣ не зависитъ ни отъ вѣка, ни отъ моды, ни отъ вѣянія, ни отъ какой-нибудь *fashion*, и *этому я отдаюсь всецѣло*. Да здравствуетъ абсолютное, т.-е. чело-вѣчество и поэзія!

XXVIII.

Берлинъ.—26 (14) сентября 1869.

Чортъ знаетъ, гдѣ вы? Но, возвращаясь въ Красный-Рогъ, я не могу не передать вамъ блестящей мысли, которую я только что передалъ письменно Т... А именно, дать г-ну В... эпитетъ „le Postillon de Longjumeau. Не такъ ли?

Ah, qu'il est beau,

Ah, qu'il est beau,

Le postillon de Longjumeau!.

Я возвращаюсь изъ Веймара и Вартбурга, мѣстопребыванія Тангейзера, Вальтера Фогельвейде и великаго герцога Карла-Александра.

Этотъ послѣдній заставилъ прочесть себѣ и самъ прочелъ одно дѣйствіе „Федора Ивановича“ въ нѣмецкомъ переводѣ Каролины (Павловой). Онъ въ восторгѣ и хочетъ поставить его на сценѣ въ Веймарѣ. Чтеніе происходило, въ одинъ сеансъ, въ комнатѣ св. Елизаветы Венгерской.

XXIX.

Красный-Рогъ.—3-го ноября 1869.

Третьяго дня я вернулся изъ Ливадіи и нашелъ на столѣ ваше письмо, почеркъ котораго произвелъ на меня благоприятное впечатлѣніе, какъ и всегда.

Очень глупы люди, которые думаютъ, что если пишешь куплеты на друзей, значитъ—сѣтуешь на нихъ за что-нибудь. А это именно оттого, что считаешь ихъ друзьями, — оттого и пишешь на нихъ куплеты и имъ же самимъ посылаешь...

Никакъ ужъ не такой обожатель Гомера, какъ я, найдетъ что-нибудь возразить противъ классическаго характера лица.

Но что касается до понятій Каткова о единствѣ государства и объ обрусѣніи провинцій—мое мнѣніе совершенно расходится съ его мнѣніемъ. У меня нѣтъ партійныхъ чувствъ:

Союза полнаго не будетъ между нами:

Не купленный никѣмъ, подъ чье-бъ ни сталъ я знамя,

Пристрастной ревности друзей не въ силахъ снести,

Я знамени врага отстаивалъ бы честь!

Хотя я не въ Петербургѣ, но смерть (В. П.) Боткина оставила во мнѣ чувство пустоты, и я горюю, что нельзя мнѣ будетъ прочесть ему моего „Царя Бориса“.

Кстати,—онъ уже оконченъ, и осталось только его подчистить и подправить! Я чуть было не потонулъ съ нимъ въ Черномъ морѣ, и уже готовился взять его въ зубы и поплыть съ нимъ, какъ Камоэнсъ съ своей „Луизиадой“, когда наконецъ мы вошли въ севастопольскій портъ, подбитые и попорченные настолько, что мнѣ пришлось ѣхать сухимъ путемъ до Ливадіи. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ описаніе нашего путешествія.

Я предполагалъ, не знаю почему, что императрица проведетъ ноябрь въ Крыму. Въ Одессѣ я узналъ, что пароходъ („Арго-

навть“, также и другой пароходъ, „Казбекъ“) уходитъ 23-го, тогда какъ императрица возвращается 28-го. Я тотчасъ же телеграфировалъ Александрѣ Т., чтобы узнать, долженъ ли я ѣхать, и получилъ милостивое приглашеніе отъ императрицы. Только-что мы вышли изъ одесскаго порта, насъ подхватила страшная буря, самая сильная, какую я когда-либо испытывалъ. Ночью кухня и все, что въ ней находилось, было утнано волнами; нѣсколько каютъ попорчено, кожухи колесъ разбиты, палуба смыта. Вода въ машинѣ, вода въ каютахъ, вода вездѣ, а волны продолжаютъ вливаться,—однимъ словомъ, всякіе ужасы! Я избавляю васъ отъ описанія другихъ несчастій, которыя меня постигли въ эти послѣдніе 15 дней путешествія. Мои вещи потеряны, и я возвращаюсь въ Красный-Рогъ, какъ Одиссей въ Итаку, богатый единственно своими собственными достоинствами. Зато „Царь Борисъ“ имѣлъ въ Ливадіи большой успѣхъ, подробности котораго вы можете узнать отъ А. Т. Другой, ушедшій изъ Одессы, пароходъ, „Казбекъ“, тоже потерпѣлъ и укрылся въ Севастопольскую бухту. Я по этому случаю узналъ, что оба парохода, „Казбекъ“ и „Аргонавтъ“,—одинъ французскаго происхожденія, другой нѣмецкаго, и что они прежде назывались: Casse-bec и Arge-Noth. Въ Одессу я вернулся съ императрицей на „Тигръ“. Всѣ болѣе или менѣе страдали отъ морской болѣзни, но мнѣ, только-что испытывшему бурю, казалось, что я мягко качаюсь въ дѣтской люлькѣ, такъ что когда императрица выразила мнѣ свое желаніе, чтобы я написалъ стихи въ честь г-жи М—вой и ея дочери, которыхъ были именины, я могъ тогда же написать слѣдующее:

Пью-ль мадеру, пью ли квасъ я,
 Пью ли сливки я коровьи,
 За твое всегда, Настасья,
 Выпиваю я здоровье.
 Нынѣ „Тигра“ пассажиры
 Мнѣ вручили полномочье,
 Чтобы пилъ при звонѣ лиры
 За твою младую дочь я.
 Лирѣ нѣтъ у капитана,
 Лишь бутылки да графины,—
 И при шумѣ урагана,
 И при грохогѣ машины,
 Пью изъ этого стакана
 За обѣихъ именины.

Къ несчастью, тостъ не могъ быть провозглашенъ, такъ какъ г-жа М—ва и ея дочь стонали отъ боли въ своихъ каютахъ, пока А. Т. стонала на палубѣ, а рядомъ съ ней рвало какого-то капельмейстера.

До общей суматохи императрица пожелала, чтобы я ей прочелъ мои три послѣднія баллады, затѣмъ „Былину“, и затѣмъ „Исторію Россіи“. Каждая вещь въ своемъ родѣ была одобрена Ея Величествомъ, и какое удовольствіе имѣть ее слушательницей! Изъ всѣхъ моихъ слушателей, настоящихъ и прошедшихъ, я ей читаю съ наибольшимъ удовольствіемъ. Ничто отъ нея не ускользаетъ, она все понимаетъ, все отгадываетъ, и ея подвижное лицо отражаетъ всѣ оттѣнки и подбодряетъ чтеца вносить выраженіе въ свой „Vortrag“.

Возвращаясь къ „Борису“, — мнѣ кажется, что онъ удался. Это не въ духѣ „Іоанна“ и не въ духѣ „Федора Ивановича“. Тутъ нѣтъ происшествій; дѣйствіе одно — нераздѣльно: борьба Бориса съ призракомъ Дмитрія, рядъ сценъ различныхъ цвѣтовъ, черезъ которыя безостановочно проходитъ характеръ Бориса до его смерти. Императрица предпочитаетъ эту трагедію двумъ предъидущимъ, я же предпочитаю „Федора“, въ которомъ архитектура гораздо болѣе „künstlich“ (художественна), и характеръ котораго мнѣ больше по сердцу. Но, какъ орнаментация, „Борисъ“ болѣе богатъ и даже, можетъ быть, болѣе сцениченъ. Императрица мнѣ сказала: „Мнѣ будетъ очень жаль, если эту пьесу не будутъ давать“.

Она тоже хочетъ, чтобы ей еще разъ прочли „Федора“. Постарайтесь, чтобы чтецомъ были вы. Я не читалъ въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ статьи, въ которой совѣтуютъ Стасюлевичу не печатать меня. Мнѣ было бы очень любопытно ее прочесть. Сдѣлайте мнѣ удовольствіе найти ее и мнѣ прислать. Я слушаю хулу всѣхъ, но слѣдую одному принципу:

Wie du auch dein Leben lenkst,
Stets dich selbst gewahre:
Was du fühlst und was du denkst
Ist allein das Wahre.
Und vor allem dieses merk:
Du wirst Herr der Erde
Und die Schöpfung wird dein Werk,
Wenn du sagest: werde!..

какъ могъ бы сказать Гёте въ своемъ „West-Östlicher Diwan“ одномъ изъ самыхъ неудобоваримыхъ произведеній, какія я знаю. На этомъ, я поднимаю съ граціей ногу и прижимаю васъ къ моему животу. Salut et fraternité!

XXX.

Красный-Рогъ.—7 ноября 1869.

Я только-что перечелъ ваше письмо отъ 18 октября и немножко возмущенъ тѣмъ, что вы сомнѣваетесь въ вѣчномъ пребываніи *прекраснаго*. Какъ бы всякіе скоты ни комментировали великолѣпные стихи Пушкина:

Несчастный другъ! Средь новыхъ поколѣній
Доучный гость, и лишній, и чужой..

комментаторы останутся скотами, а Пушкинъ останется *поэтомъ навсегда*. Поэзія, красота, любовь къ прекрасному, милый другъ, не есть дѣло моды или условности. Оно *органически присуще человеческой природѣ*, также какъ и религиозное чувство, которое никакой Бюхнеръ не съумѣетъ—wegsohisteln. Нѣтъ, мой другъ, моя вѣра сильнѣе этого:

Genossen! ihr Drohen ist eitle Bethörung:
Strebt weiter! Wir werden das Ufer erreichen,
Bezwingend der grollenden Wogen Empörung.
Dem Ewigen wird das Vergängliche weichen;
Lasst treu unsrer heil'gen Berufung uns bleiben;
Es wird das Vertraun, das wir, Gläubige, hegen,
Die Macht uns verleich'n eine Strömung zu treiben.
Der Strömung entgegen!

Я вамъ цитирую переводъ Каролины (Павловой), потому что, безъ всякой фальшивой скромности,—я забылъ оригиналь. Есть еще одна ода Жана Батиста (Руссо), гдѣ находится строфа, кажется, въ родѣ этого. Дѣло идетъ о солнцѣ:

Il verse des torrents de lumière
Sur les infâmes et noirs derrières
De ses obscurs blasphémateurs.

Чортъ возьми! Надо о себѣ лучше думать!.. Вы, вѣроятно, хоть одинъ разъ видѣли „Бориса Годунова“—Пушкина. Говорятъ, это дурно идетъ! Скажите мнѣ, отчего? Конечно, зная хорошо дирекцію, я догадываюсь о причинѣ. Они такъ глупы и такъ нехудожественны, что мнѣ стоило большого труда помѣшать имъ играть музыку (и какую музыку!) между перемѣнами декораций въ „Смерти Іоанна Грознаго“, и то они воспользовались моимъ отсутствіемъ, чтобы начать опять свою поганую музыку.—Если они сдѣлали то же самое въ пьесѣ Пушкина—должно быть, было смертельно скучно! Они, идиоты, не пони-

мають, что перемѣна декорацій въ серединѣ акта должна бы быть сдѣлана почти мгновенно. Нигдѣ въ Германіи это не беретъ болѣе двухъ минутъ, по часамъ. Оттого драматическій авторъ никогда не сопоставитъ двухъ сценъ, которыя требуютъ хлопотни: всегда одна изъ двухъ, первая или вторая, происходитъ въ узкомъ пространствѣ—zwischen Vorhang. Было бы мило, еслибы стали играть музыку при всякой перемѣнѣ въ *Шекспирѣ* или *Гетц-фонъ-Берлихингенъ*. А потомъ, я не вижу, кто могъ играть роль Бориса? Если Х., то онъ долженъ былъ быть ужасенъ, У.—idem. Когда я предложилъ своего „Бориса“ (предложеніе между прочимъ не было принято),—я рассчитывалъ на Нильскаго, который, какъ хотите, а все-таки самый подходящій. Кстати, всѣ мои три трагедіи переведены на польскій языкъ. Я купилъ двѣ первыя въ Карлсбадѣ; третья еще не появлялась, но переводчикъ написалъ мнѣ изъ Кракова, что онъ мнѣ ее посылаетъ. Вѣроятно, оттого я ея не получилъ. Изданіе первыхъ двухъ великолѣпно: веленева бумага, большой сісего, заглавіе красными буквами.

Не видѣть васъ уланомъ—большая потеря для меня и для всѣхъ, которые васъ любятъ. Но правду сказать, взвѣсивая все, —лучше это, чѣмъ война. На этомъ я васъ скромно обнимаю; моя жена посылаетъ вамъ тысячу дружескихъ привѣтовъ—и вашей также, я же ей цѣлую руки.

Скажите моему крестнику, чтобы онъ не восторгался Шекспиромъ гуртомъ, но хорошенько бы разбиралъ то, что великолѣпно, и то, что отвратительно. Иначе это все равно, что ѣсть супъ съ мухами и съ волосами изъ бакенбардъ повара и думать, что именно волосы и мухи придаютъ всѣ достоинства произведенію.

XXXI.

Красный-Рогъ.—28 ноября 1869.

„Oh, die süsse Gewohnheit des Daseins“, говорилъ кто-то, гдѣ-то. Я же говорю: Die süsse Gewohnheit des Schreiben's an Dich... и продолжаю:

Шесть часовъ утра. Я только-что выходилъ на балконъ, но ничего не могъ разсмотрѣть. Такой туманъ, что онъ даже помышлялъ бы Ромео разсмотрѣть Джульетту на поль-аршина разстоянія. Пѣтухи на селѣ продолжаютъ орать вдалькѣ, но они ничего этимъ не доказываютъ.

— Точно конецъ свѣта, или Нифельгеймъ скандинавовъ! Ни дерева, ни повара въ кухнѣ! Ничего!

Это идеаль нигилистовъ; къ тому же, что-то сырое падаетъ вамъ на голову. Какое ваше мнѣніе насчетъ сырости? Думаете ли вы, что она зачатокъ міра?—Я же думаю, что она зачатокъ только однихъ ревматизмовъ...

XXXII.

Красный-Рогъ.—15 декабря 1869.

Мой юный пріятель, я только-что перечелъ „Гамлета“ по-англійски и нахожу, что Маркель и Бернардъ — оба очень хорошіе характеры, также какъ и Гильденштернъ и Розенкранцъ. — Не того ли же и вы мнѣнія?—Помимо этого, я только-что гулялъ по балкону; почти три часа утра, и я нахожу, что Юпитеръ и Венера—очень красивыя звѣзды... Неполный дискъ луны довольно плохо освѣщаетъ тающій снѣгъ, точно весна стоитъ у дверей. Пѣтухи поютъ до хрипоты.. и еще что-то другое—не знаю чтѣ!.. развѣ не соловьи ли? или вѣдьмы? Но все это хорошо и въ желанномъ тонѣ. Главное—необходимо надо быть въ надлежащемъ тонѣ, т.-е. въ гармоніи со всѣмъ окружающимъ. Я въ гармоніи, т.-е. по отношенію къ природѣ, болѣе чѣмъ когда-либо, но не по отношенію къ людямъ...

Моя бѣдная жена спрашиваетъ меня время отъ времени, вернется ли весна? И я отвѣчаю ей: „Юнкеръ Шмидтъ, честное слово, лѣто возвратится!“—Все-таки все, чтѣ я только-что видѣлъ съ балкона, мнѣ нравится.

Хотите другой переводъ Гёте? вотъ онъ:

Какъ мѣсяца неполный, алый кругъ,
Всходя такъ поздно, дурно освѣщаетъ
Нашъ трудный путь...

Хотите другой переводъ Гёте? вотъ онъ:

То древній лѣсъ. Дубъ мощный своеправно
Надъ сукомъ сукъ кривить въ кудряхъ вѣтвей;
Кленъ, сока полнъ, восходить къ небу плавно
И, чистъ, играетъ ношею своей.

Хотите мое собственное нѣмецкое стихотвореніе? вотъ оно:

Ja, ich fühl' mich frisch und munter
Munter fühl' ich mich und frisch,
Denn ich steige auf und unter,
Auf und unter wie ein Fisch;

In dem feuchten Elemente,
 Das man Dichtersphäre nennt,
 Wo so mancher Pinsel flehnte
 Ruf' ich aus: Potz Element!
 Theure Frau so thut dasselbe
 Aus dem Sinne schlägt euch kühn
 All' das leid'ge Schwarz-roth-gelbe
 Und bekränzet euch mit Grün..

Хотите хорошій переводъ по-нѣмецки моей баллады „Три побища“? Вотъ вамъ отрывки:

Und wie man der Fürstin berichtet der Traum,
 Der Fürst aber alles erwogen,
 Da kommt auch die Githa gerannt in den Raum
 Gar liederlich angezogen.
 Sie ist decoltirt in weitestem Sinn
 Und nicht zu reden sie säumet:
 Herr Schwager! so ruft sie, Frau Schwägerin!
 Ich hab' von was Schlechtem geträumet, и т. д.

XXXIII.

Красный-Рогъ.—28 декабря 1869.

...Теперь я долженъ опровергнуть нѣкоторыя изъ вашихъ предложеній (въ смыслѣ синтаксическомъ).

1-е. Я не презираю славянъ, напротивъ, я имъ симпатизирую, но только тогда, когда они заявляютъ свою свободу и автономію, или когда они дѣлаютъ разныя историческія изысканія или археологическія раскопки. Но я объявляю себя ихъ непріателемъ, какъ только они нападаютъ на европеизмъ и когда они сопоставляютъ свою проклятую общину—принципу индивидуальности,—единственному принципу, въ лонѣ котораго можетъ развиться цивилизація вообще и *искусство* въ особенности. Общину я ненавижу менѣе, чѣмъ эгалитарность, глупую выдумку 93-го года, которая никогда не существовала, даже ни въ какой республикѣ, —въ новгородской менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, такъ какъ Новгородъ былъ республикой, главнымъ образомъ, *аристократической*. Флоренція выгнала одно благородное сословіе и тотчасъ же создала другое.—Итакъ, я становлюсь врагомъ славизма, когда онъ дѣлается проводникомъ социализма и эгалитарности. *Я западникъ съ ногъ до головы, и настоящій славизмъ—западный, а не восточный.*

XXXIV.

Красный Рогъ.—11-го января 1870 г.

Не знаю отчего, но я всегда къ вамъ обращаюсь, когда обсуждается вопросъ искусства (который для меня равняется жизненному вопросу: — *быть или не быть*). — Впрочемъ, я знаю, отчего это такъ: — изъ всѣхъ моихъ знакомыхъ и друзей — вы единственный, кто не полинялъ *въ этой области* (*Farbe gehalten*), которая для меня—единственный настоящій элементъ. Вскорѣ я вамъ адресую письмо въ надеждѣ, что вы его напечатаете; въ немъ я выскажу мой образъ мыслей насчетъ искусства вообще и драмы въ особенности.

Это ужасно, какъ у насъ и въ Германіи въ послѣднее время отделились отъ настоящей единой цѣли искусства, до какой степени его унизили, употребляя его, какъ простое орудіе, чтобы доказать то или другое. Я, наконецъ, скажу, что то, чтò хотятъ доказать, доказывается съ успѣхомъ лишь тогда, *когда отказываются отъ желанія доказывать*, что художественное произведеніе, прекрасное само по себѣ, ненамѣренно доказываетъ всѣ истины гораздо лучше, нежели это могутъ сдѣлать тѣ, что садятся за письменный столъ съ намѣреніемъ ихъ доказать посредствомъ художественнаго произведенія. Я утверждаю, что искусство не должно быть *средствомъ*, но оно въ себѣ содержитъ всѣ результаты, къ которымъ тщетно стремятся всѣ утилитаристы, именующіе себя романистами, живописцами или скульпторами.—Между живописцами, которые *желаютъ что-то доказать, и ничего не доказываютъ*, первое мѣсто принадлежитъ *Каульбаху*. Насколько онъ хорошъ въ *Битвѣ унновъ*, настолько онъ плохъ въ своихъ символическихъ картинахъ, которыя онъ написалъ съ тѣхъ поръ. Если вы не забудете,—напомните мнѣ рассказать вамъ смѣшной анекдотъ, который случился со мной въ Мюнхенѣ относительно Каульбаха. Эти анекдоты случаются только со мной, и сколько ихъ было! Я все надѣюсь, что вы мнѣ что-нибудь скажете насчетъ „Бориса“, но почты приходятъ и ничего не приносятъ.

Я прочелъ въ газетахъ, что Леонидовъ взялъ роль *Ивана* въ свой бенефисъ, и что Самойловъ долженъ былъ играть *Скимника*. Я увѣренъ, что онъ былъ очень хорошъ. Еслибы это былъ человѣкъ, съ которымъ можно столковаться,—я далъ бы ему роль Клепшина въ „*Царѣ Борисѣ*“.

Найдите мнѣ сюжетъ для драмы, который не былъ бы историческій, но который я могъ бы уставить въ русскій міръ въ неопредѣленной эпохѣ.

Я вамъ повторяю то, что я сказала недавно Каролинѣ (Павловой): легче творить на сюжетъ, данный извнѣ, чѣмъ на такой, который самъ выдумаетесь! Избавляешься отъ нѣкоторой отвѣтственности и скрываешься за легендой или за исторіей, которую можно измѣнить по своему усмотрѣнію.

Если Шекспиръ бралъ свои сюжеты въ хроникахъ и повѣстяхъ, — это не оттого, что у него было мало воображенія, но вѣроятно по вышеупомянутой причинѣ.

Я вамъ говорю, что я не попалъ на свое призваніе: русскіе меня ругаютъ, нѣмцы говорятъ мнѣ комплименты. Многіе мнѣ говорили: „но отчего вы не пишете ваши драмы прямо по-нѣмецки?“ — Скажите, долженъ ли я сдѣлаться нѣмецкимъ поэтомъ?

ЭЛЕГІЯ.

Гдѣ Майковъ, Мей, и Минъ, и Марковъ, и Минаевъ?

И Феть, что дѣвамъ любъ?

Полонскій сладостный, невидящій Ширяевъ

И грѣшный Соллогубъ?

Передо мной стоятъ лишь голыя березы

И пожелтѣвшій дубъ,

Но нѣтъ, съ кѣмъ раздѣлить въ бору холодномъ слезы

И насморкъ дать кому-бъ.

XXXV.

Красный-Рогъ.—21-го декабря 1870.

Нейнъ, нейнъ, мейнъ либеръ... я не презираю славянъ, — къ несчастью, я не имѣю на это права.

Но я нахожу, что побольше смиренія было бы имъ къ лицу, — не такого, какое мы уже слишкомъ показывали, и которое состоитъ въ томъ, чтобы, скрестивъ на животѣ десять пальцевъ, вздыхать и, поднявъ глаза къ небу, говорить: „Божья воля! Подѣломъ намъ! За грѣхи наши!..“ Но надо бы другого смиренія, хорошаго, которое состоитъ въ признаніи своей недостаточности съ тѣмъ, чтобы отъ нея избавиться. Это смиреніе — противоположность самодовольствія, которое говоритъ: „я горжусь просторомъ русской земли и широтой русской природы, которая не можетъ и не хочетъ ничѣмъ стѣсняться. Всякое ограниченіе про-

тивно русской природѣ (ограниченіе противно?!..); намъ не нужно ни заборовъ, ни классов! Гуляй, душа!.. — Отъ славянофильства Хомякова меня тошнить, когда онъ ставитъ насъ выше Запада ради нашего православія.

Я теперь ищу — и не нахожу — сюжетъ для драмы въ нашей исторіи до татаръ.

Паденіе Новгорода (не думайте, что я считаю его до татаръ — это только *saltus mentis*) меня увлекло, но, пошаря въ немъ, я нашель, что новгородцы того времени были порядочныя свиньи, которыя ничего лучшаго не заслуживали, какъ упасть въ московскую пасть, какъ Римъ — въ пасть Цезаря.

Андрей Боголюбскій (другой *saltus mentis*) былъ убитъ пьяницами и трусами. Мнѣ надо что-нибудь другое.

Я хотѣлъ взять легенду. „Садко“ меня очень притягиваль, но это сюжетъ болѣе для балета, чѣмъ для драмы. — Путь къ „Димитрію Самозванцу“ подготовленъ моими первыми драмами, но имъ слишкомъ злоупотребляли, и онъ мнѣ напоминаетъ Марію, сидящаго на каминныхъ часахъ. — Кстати! Знаете ли вы, отчего онъ туда сѣлъ?.. т.-е. не на каминные часы, а на развалины Кареагена? И чтò тутъ интереснаго въ этой манерѣ сидѣть? Должно быть, было жестоко, и больше ничего!

XXXVI.

Кр.-Рогъ.—18 ноября 1870.

Дайте мнѣ съ вами поболтать, чтобы избѣжать всѣхъ реальностей, болѣе или менѣе неприятныхъ, которыя меня окружаютъ.

Прежде всего скажите мнѣ, какъ вы поживаете? Ваша жена и сынъ? И потомъ, дайте мнѣ одно политическое извѣстіе, какъ бы вы ни были удивлены, услышавъ этотъ вопросъ отъ меня. — На какихъ гарантіяхъ, явныхъ или скрытыхъ, основывается увѣренность Россіи, что ей не придется воевать для поддержанія ноты Горчакова, такъ какъ я предполагаю, что разъ нота пущена, ее поддержать. Я тоже не могу предположить, что нота была пущена безъ предварительнаго и тщательнаго изслѣдованія почвы. Вотъ именно объ этомъ-то изслѣдованіи почвы и хотѣлъ бы я узнать. Если мы приобрѣли увѣренность въ Пруссіи, — чтò мы поставимъ противъ Англіи, если она придетъ въ Крουνштадтъ? Или, можетъ быть, новая военная организація должна служить пугаломъ для Европы? Разъясните мнѣ это, такъ какъ я ничего не знаю. А что касается послѣдней реформы — въ данное время

я признаю въ ней лишь одну интересную сторону,—а именно: видѣть васъ въ уланскомъ мундирѣ, который къ вамъ долженъ очень идти, особенно сзади. Я сдѣлаюсь саперомъ, чтобы не брить бороду, и... Европа, держись! воображаю ея страхъ... Я провелъ хорошій мѣсяць въ Дрезденѣ, не имѣя управляющихъ вокругъ себя. Я написалъ три дѣйствія драмы, которая будетъ называться „Посадникъ“, и она не историческая.

Покажите намъ признакъ жизни.

XXXVII.

Красный-Рогъ.—25 декабря 1870.

Какъ бы я желалъ, чтобы вы мнѣ высказали какую-нибудь ересь—артистическую или литературную, чтобы я имѣлъ удовольствіе ее опровергать. Мой творческій умъ не дѣйствуетъ, но полемическая страсть не застыла, и между свинствами, которыми я окруженъ, это единственное умственное упражненіе, которому предаться я чувствую себя въ силахъ. Я даже способенъ довести мое тщеславіе до того, что готовъ просить васъ писать мнѣ *объ искусствѣ по-русски*, чтобы я вамъ отвѣчалъ на томъ же языкѣ, и чтобы наши письма перешли въ вѣчность черезъ каналъ газетъ.

Но вы слишкомъ увлечены вашей политической перепиской, чтобы думать объ *Ding an sich*, вы слишкомъ *объективировали* себя, чтобы думать ради одного *объекта* безъ отношенія къ субъекту.

Мнѣ остается только дѣлать предположенія на этотъ разъ. Если вы мнѣ скажете, что... я вамъ отвѣчу, что... Я знаю, что вы думаете, что... но я вамъ докажу, что это абсурдъ...

Кромѣ того, что этотъ способъ разсуждать не любезенъ, онъ скученъ и напоминаетъ слишкомъ проповѣди какого-то испанскаго капуцина, который начиналъ иногда такъ: „Вы думаете, братія, что апостолы принадлежали къ братству св. Доминика, а я вамъ скажу, что вы всѣ ослы,—такъ какъ они были францисканцы...“

Въ отчаяньѣ, что я не могу ни доказывать вамъ, ни спорить, такъ какъ вы молчите,—я вамъ скажу стихотвореніе, написанное по предваренію (*par anticipation*).

„Вновь растворилась дверь на влажное крыльцо...“¹⁾

PS. Только что было 25⁰ морозу...

¹⁾ Напечатано въ Собраніи Сочиненій.

XXXVIII.

Красный-Рогъ.—9 мая 1871.

Моя большая работа „Посадникъ“ остается нетронутой.

С. отбила у меня охоту, сказавъ, что это плохо.

Откровенно говоря, я съ ней не согласенъ, но охота пропала. Я было написалъ два акта прозой, но у меня явилась мысль написать все стихами, и я переложилъ въ стихи первый актъ. Дѣлая это, я нашелъ, что въ стихахъ становишься менѣ словоохотливъ, чѣмъ въ прозѣ, и это выходитъ лучше.

У насъ, несмотря на весну, собачій холодъ, если я смѣю такъ выразиться. — Соловьи поютъ, но надо быть соловьемъ, чтобы этимъ заниматься. А я приобрѣлъ себѣ катарръ на вальдшнеповой охотѣ, и такъ боюсь опять заболѣть, какъ въ Одессѣ, что сижу въ комнатѣ.

Безъ преувеличенія, я не желаю самому большому подлецу изъ моихъ знакомыхъ болѣть, какъ я болѣлъ въ Одессѣ, а именно: кашель и неизмѣнне силь откашляться, и задыхаешься въ теченіе 15 дней по крайней мѣрѣ. Собачья болѣзнь! Я только могъ дышать, стоя на четверенькахъ, и въ этомъ положеніи, къ большому страху присутствующихъ, я пропѣлъ: „О, Матильда, идолю моей жизни!“ Я шутивъ отъ природы, но не скрою отъ васъ, — я думалъ, что легко могу умереть (и доктора то же думали), но мнѣ это было довольно безразлично; одного было жаль, что не оконченъ „Посадникъ“. Вообще мнѣ кажется, что я не долженъ умереть, прежде чѣмъ напишу что-нибудь хорошее, очень хорошее, а послѣ этого, какъ говоритъ польскій священникъ Дюпи: „Да будетъ воля твоя!“

Вы можете смотрѣть на это, какъ хотите, мой дорогой пріятель, но для меня ваша будущая жизнь совсѣмъ не страшна. Развѣ вы очень увѣрены въ существованіи индивидуума? — Я — нѣтъ.

Но чтѣ дѣлается съ различными полами, если индивидуализмъ — одна иллюзія? Есть такія насѣкомыя (утверждаетъ самъ Дарвинъ, а онъ знаетъ, чтѣ говорить), которыя, если ихъ разрѣзать на двѣ части, то начинаютъ драться между собой обѣ разрѣзанныя части. Не правда ли, отвратительно?

Для себя я нашелъ объясненіе первороднаго грѣха, или, лучше сказать, справедливости нашего наказанія за извѣстное яблоко, — въ слѣдующемъ сравненіи: предположимъ, что земляной червь

совершаетъ преступленіе. Разрѣжьте его на-двое—будетъ два червяка; разрѣжьте еще—будетъ четыре червяка, и такъ до безконечности. Тысячный червякъ, предупрежденный объ операціи, сдѣланной надъ первымъ, не имѣлъ бы основанія жаловаться на наказаніе, такъ какъ въ сущности онъ самъ совершилъ преступленіе! И вотъ за это объясненіе я претендую на премію изъ папской казны...

Что такое соединеніе церквей?—Сліяніе двухъ христіанскихъ церквей въ одну единую; которую?—все равно. Filioque—только развитіе, но не противорѣчіе; а теперь... покойной ночи, я хочу спать.

XXXIX.

Красный-Рогъ.—20-го мая 1871.

Мой юный и дорогой другъ!

Я считаю васъ сотоварищемъ и какъ бы человѣкомъ того же ремесла, которому показываются работы на станкѣ, прежде чѣмъ ихъ поправляютъ и пересматриваютъ.

И въ этомъ видѣ я послалъ вамъ мое маленькое стихотвореніе подъ заглавіемъ „На тягѣ“.

Конечно, я съ тѣхъ поръ его гладилъ и переглаживалъ, какъ совѣтуетъ это дѣлать г. Депрео.

Слѣдуя моей системѣ довѣрчивости, я посылаю вамъ маленькую пастораль до ея полированія и исправленія:

То было раннею весной ¹⁾...

Меня это увлекло лишь только потому, что это гармонируетъ съ окружающею меня природою, которая, надо признаться, тяжела на подъемъ, чтобы выйти изъ зимы, но все-таки лучше поздно, чѣмъ никогда.

Что касается до васъ, вы—драгоценный сосудъ, который мнѣ хочется назвать этрусскимъ, и въ него я выливаю излишекъ моихъ художественныхъ чувствъ. Вы—струна родственная, звучащая при всякой вибраціи струнъ моей духовной арфы.

Что ни говори,—вы не *тайный совѣтникъ*, вы художникъ подъ маской совѣтника,—съ какою цѣлью, не знаю.

Весна плохая,—я слишкомъ джентльменъ, чтобы въ этомъ не сознаться, и я убилъ только семь вальдшнеповъ; видите мою

¹⁾ См. въ Собраніи Сочиненій.

скромность—я, было, написалъ: пять. И вотъ случай, чтобы скромно похвалиться; охотникъ вообще лжець,—я составляю исключеніе, я никогда не лгу, и Андрей, племянникъ моей жены, тоже никогда не лжетъ. Онъ мой воспитанникъ, и я имъ горжусь. Безъ шутокъ, я счастливъ, удостовѣряя, насколько онъ честный и отличный малый. Я питаю къ нему отеческія чувства; вы его мало знаете. Это будущій морякъ, ему 18 лѣтъ, и его характерная черта—почти-что суровая честность и тонкость чувствъ, согрѣвающая сердце. Онъ въ настоящее время мой товарищъ и по охотѣ, и по шахматамъ. Въ апрѣлѣ надѣюсь послать его вокругъ свѣта. Помните, какъ вы сердились за шахматною игрою?—Дурная привычка, отъ которой вамъ надо отдѣлаться.

XL.

Красный-Рогъ.—3-го октября 1871.

...Итакъ, вы находите, что „Сватовство“ плохо? Можетъ быть, но вообще оно имѣетъ большой успѣхъ, и всѣ, кому я его читалъ въ Россіи, какъ и въ Германіи, находятъ въ немъ большую удалъ и откровенную веселость, такъ что Каролина (Павлова) начала переводить его по-нѣмецки и общается ему отличный приѣмъ. Она тоже перевела „Илью“ и „Поповича“, и послѣдній вызвалъ слезы у нѣкоторыхъ дамъ и барышенъ. Другія же нашли—dass es an's Frivole gränzt, и когда ихъ спрашивали, почему?—онѣ сказали: „Aber die Mamselle?“

Одна барышня, которую вы знаете, даже очень покраснѣла и вскрикнула: „Schweinerei!“

Если не полѣнюсь, я вамъ вышлю переводъ, который въ самомъ дѣлѣ очень хорошъ.

XLI.

Красный-Рогъ.—9-го октября 1871.

Сейчасъ получилъ ваше письмо, отъ 30-го сентября, въ которомъ вы пишете о нравственныхъ сомнѣніяхъ Каткова. Если совѣсть въ негативномъ состояніи производитъ на меня впечатлѣніе отвращенія, то совѣсть въ положительномъ состояніи—всегда предметъ моего уваженія, какого бы она ни была цвѣта или формы. Итакъ, я уважаю сомнѣнія Каткова, не раздѣляя и даже не понимая ихъ,—не знаю положительно, въ чемъ мой

„Поповичъ“ безнравственнѣе „Peter und Bender“ Гейне, „Коринеской невѣсты“, нѣсколькихъ стихотвореній Полонскаго и почти всѣхъ стихотвореній Щербины.

Другое дѣло ваше замѣчаніе, очень справедливое, что тенденціозныя строфы не идутъ къ общему тону.

Но я могу васъ увѣрить, получивъ общія удостовѣренія насчетъ этой авантюры, что „Поповичъ“ и барышня, послѣ плаванія, которое продолжалось 25 минутъ, причалили къ деревнѣ подъ названіемъ *Пансуевка*, *Австевы-Лозы* тожъ, гдѣ нѣкій добрый священникъ, отецъ Герасимъ Помпадурскій, обвинчалъ ихъ съ помощью благочиннаго Сскрата Борисовича Гермафродитова, который находился тамъ случайно...

Во всякомъ случаѣ, я считаю, что баллада о „Поповичѣ“ вернулась въ мой мѣшокъ и опять стала моею собственностью.

XLII.

Берлинъ.—23-го ноября (н. с.) 1871.

Солнце моей жизни, фонтанъ юности, лучъ Каткова, пупъ большого свѣта, повѣренный моихъ печалей, бездна нечистоты!

Го-пъ! Го-пъ! Тралала!

Эти маленькія восклицанія могутъ дать вамъ мысль, что я нахожусь въ шутливомъ настроеніи.

Ошибка!.. Мое настроеніе черно!

...Благодарю за статью въ „С.-Петербур. Вѣдомостяхъ“; благоволите передать то же г. Николаевскому отъ меня. Просматривая фельетоны „С.-Петербур. Вѣдомостей“, я нашелъ только два другательства на меня. Первое, въ которомъ увѣряютъ, что, по примѣру Хвостова, я ношу мои стихотворенія въ карманѣ, чтобы ихъ читать на блистательныхъ великосвѣтскихъ раутахъ; второе же, въ которомъ надо мной издѣваются за то, что я заставляю „Царя Ивана“ ползать на карачкахъ передъ суфлерской будкой. Но относительно „Потока“—ничего; развѣ только то, что меня называютъ постоянно авторомъ „Потока“ и „Пантелея“.

XLIII.

Берлинъ.—29-го ноября (н. с.) 1871.

Вы славный и прекрасный человѣкъ, и вы меня тронули вашимъ заботливымъ сочувствіемъ къ моему здоровью, которое, въ сравненіи со многими другими, — послѣдняя изъ моихъ заботъ.

...Вы не знаете моего отвращенія говорить о себѣ, когда существуютъ страданія гораздо больше моихъ...

...Итакъ, я перехожу къ другимъ двумъ пунктамъ вашего добраго письма. Скажите мнѣ, какое впечатлѣніе произвела моя „баллада съ тенденціей“ и всѣ ругательства, которыми я ей обязанъ.

Я теперь въ Берлинѣ пишу другую балладу безъ тенденціи, которая называется: „Садко“. Это только картина, картина дѣйствія, съ новгородскимъ колоритомъ и нѣкоторой распушенностью выраженій, всунутой въ очень строгія рамки. Контрастъ этотъ мнѣ нравится, и мнѣ кажется, что будетъ хорошо; но въ концѣ концовъ я ничего не знаю.

Относительно распушенности выраженій (которая есть и въ „Походѣ Владиміра“, и въ „Ильѣ“), мнѣ кажется, что до меня никто этимъ не пользовался, хотя это даетъ возможность затрогивать нѣкоторыя поэтическія стороны вещей, которыя недосыгаемы для поэтическаго языка въ полномъ смыслѣ слова.

Не знаю, ясно ли я выражаюсь? Если нѣтъ—это потому, что я чувствую подергиванье въ лѣвой рукѣ, и уже два дня у меня лихорадка послѣ привитой оспы.

XLIV.

Дрезденъ.—7-го декабря (н. с.) 1871.

Весеннее благоуханье, аѳинское испареніе...

...Вчера вечеромъ я пріѣхалъ сюда одинъ на пару дней. Вотъ все, чтѣ я могъ сдѣлать для моей жены, которая хотѣла заставить меня ѣхать въ Италію безъ нея. Но я не хочу отдаляться отъ нея болѣе, чѣмъ на 3 1/2 часа. Я оставилъ ее подъ покровительствомъ Фредро, и я увѣренъ, что они будутъ безъ меня вагнеризировать, войдя въ разговоръ съ г-жею Шлейницъ¹⁾, которая для Берлина есть то же, что у насъ г-жа Муханова. То, чтѣ я говорю, не есть кощунство насчетъ Вагнера: у меня самого глаза полны слезъ *всегда*, когда я слушаю первый финалъ „Лоэнгрина“, также при его послѣднемъ разсказѣ; но я всякій разъ ухожу изъ залы, когда злодѣй и злодѣйка начинаютъ ругаться въ темнотѣ, и утверждаю, что это смертельно скучно.

Знаете, чтѣ я сейчасъ слышалъ? Старую оперу Маршнера— „Вампиръ“.

¹⁾ Впослѣдствіи графиня Волькенштейнъ-Тростбургъ, жена бывшаго австрійскаго посла въ Петербургѣ.

Не дурно; есть красивыя фразы и дѣлге хоры изъ „Донъ-Жуана“ Моцарта.

Въ Дрезденѣ то хорошо, что можно услышать музыку, какой нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не услышишь. Послѣ завтра дають „Альцесту“ Глука, и, конечно, я пойду.

XLV.

Дрезденъ.—20-го декабря (н. с.) 1871.

Любезная поддержка моей старости! Я сейчасъ получилъ ваше письмо со вложеніемъ... статьи обо мнѣ того, кого вы причисляете къ сапожникамъ, который, по-моему, долженъ быть знатный шотландецъ по имени *Скотъ*, а можетъ быть, генуэзецъ—*Дураио*, или французъ *Гавинье*, или чехъ *Пунъ*, или грекъ *Пана-Коккино*... такъ какъ, по высказанному имъ громадному невѣжеству относительно положенія дѣлъ у насъ, нельзя предположить, что онъ—русскій. Между прочимъ, Л. продолжаетъ метать громы противъ ужасной тенденціи „Смерти Іоанна“, которой онъ приписываетъ самое разрушительное вліяніе на наше общество.

Вотъ я и попался между двухъ огней, обвиняемый Л... и Т... въ революціонныхъ мысляхъ, а сапожниками-фельетонистами—въ ретроградныхъ.

Оба противоположныя мнѣнія согласны въ томъ, что я виновень! Я?! который пахну фіалками!?

Вы требуете, чтобы я публично отрекся отъ нѣкоторыхъ стихотвореній, приписываемыхъ мнѣ! Неужто же это все „Федорушка“, которую мнѣ прислали съ вопросомъ—моя ли она, или нѣтъ? Нѣтъ, не моя; я никогда ничего не писалъ безъ подписи. Авторъ... пишетъ дурные стихи и сваливаетъ ихъ мнѣ на плечи. Но зачѣмъ вы хотите, чтобы я публично защищался? Достаточно того, что я говорю, что я ихъ не писалъ. Я лучше буду протестовать противъ вашего заявленія, будто я не вѣрю въ безсмертіе души. Неправда, я вѣрю, т.-е. въ безсмертіе моей души, но не всѣхъ.

Я не очень увѣренъ въ индивидуальности, т.-е. я признаю возможность сліянія однородныхъ. То, что во всякомъ изъ насъ есть честнаго, можетъ въ другомъ образѣ жизни обратиться въ одно цѣлое, а все нечестное осталось бы на днѣ, какъ гуща, изъ которой выработалось бы что-нибудь другое.

Вы видите, что у фельетонистовъ съ ихъ манерой мало шансовъ. Они съ нашей гущей сольются въ одну общую клоаку,

чтобы переработаться дальше, т.-е. чтобы имъ возможно было, — если они довольно глупы для этого, — снова воплощаться, но опять-таки въ фельетонистовъ, до тѣхъ поръ, пока они напишутъ что-нибудь добросовѣстное. До тѣхъ поръ вѣчная сансара между фельетономъ и клоакой, что есть одно и то же и одинаково исключаетъ настоящее безсмертіе, Нирвану, не ту, о которой говоритъ отецъ Дюбукъ, но ту, о которой говорятъ Гёте и Упанишады.

Ахъ, да, — что это вы мнѣ говорите про какіе-то дурные стихи, которые я перемѣшиваю съ хорошими? Цитируйте мнѣ нѣкоторые, чтобы я могъ ихъ исправить. Разъ вы согласны въ этомъ случаѣ съ вышеупомянутыми фельетонистами — должно быть справедливо.

XLVI.

Дрезденъ по прежнему. — (8-го) 20-го
декабря, н. с. 1871.

Часъ тому назадъ я отправилъ вамъ часть моихъ изліяній, но мнѣ не хочется спать, не хочется писать дѣловыхъ писемъ: что же я могу сдѣлать лучшаго, какъ не продолжать изліяній въ ваше алебастровое лоно всего, что приходитъ мнѣ въ голову. Такъ же я дѣлалъ это въ Красномъ-Рогѣ, въ лучшія времена, когда пѣла кукушка при лунномъ свѣтѣ въ моемъ краю, который я люблю больше, чѣмъ границу (хотя это незамѣтно), и когда я лучше дышалъ, а главное, когда у моей жены не было сломанной руки, и когда она могла читать.

...Итакъ, я начинаю: давайте говорить объ искусствѣ. Вы утверждаете, что я ставлю дурные стихи рядомъ съ хорошими. *Nego majorem et minorem.* Я иногда пишу дурныя риѣмы, но не дурные стихи. Дурныя риѣмы я пишу сознательно въ тѣхъ стихотвореніяхъ, гдѣ я считаю себя въ правѣ быть неряшливымъ, но только по отношенію къ риѣмѣ. Никогда я не считаю себя въ правѣ написать дурной стихъ, и если я сдѣлалъ это — *mea culpa!* — но гдѣ и когда, чортъ возьми!

Видите ли, насчетъ риѣмы я сдѣлаю вамъ сравненіе, вмѣсто диссертациі. Есть нѣкая живопись, которая требуетъ неуклонной точности линій — то въ историческихъ картинахъ. Умбрійская школа, флорентійская, даже венеціанская. Есть другой родъ живописи, гдѣ краски — главная вещь, а съ линіями не церемонятся. Это Рубенсъ, Рембрандтъ, Рюсдаль и другіе фламандцы или голландцы. И вотъ, *horribile dictu*, эти послѣднія картины

потеряли бы, еслибы линія въ нихъ была неумолимо правильною. Такъ, если я пишу картину большихъ размѣровъ и съ претензіей на серьезность, я съ вами согласенъ, что я долженъ строго относиться къ риѣмъ; но если я пишу балладу или другое стихотвореніе, въ которомъ впечатлѣніе, т.-е. цвѣтъ, краска—главное, то я могу небрежно отнестись къ риѣмъ, но, конечно, не пересаливать и не риѣмовать *серѣда съ саранча*.

Пересаливать плохо какъ въ поэзіи, такъ и въ живописи. Рембрандтъ часто пересаливалъ, Рубенсъ иногда, Рюздаль никогда.

Остановимся на *Рюздаль* и сравнимъ его съ его внучатымъ племянникомъ—*Каламой*. Каламъ точенъ и исправенъ, его риѣма всегда хороша. Рюздаль часто неряшливъ (нарочно), и я, конечно, предпочитаю Рюздаля Каламъ. Я не хотѣлъ бы потерять его небрежности такъ же, какъ не хотѣлъ бы потерять небрежности Гоголя.

А если вы не хотите пейзажистовъ, возьмемъ Мурильо. Его линіи очень небрежны и всегда пожертвованы краскамъ, и еслибы его линія была вездѣ точна и правильна, онъ производилъ бы другое впечатлѣніе и не былъ бы Мурильо; его прелесть *пострадала бы*, и впечатлѣніе было бы холоднѣе. Хотите, возьмите примѣръ въ поэзіи. Возьмите Гёте въ сценѣ Гретхенъ передъ иконою:

Ach neige,
Du, schmerzenreiche...

Есть ли что-нибудь хуже риѣмъ въ этой великолѣпной молитвѣ? Это—единственная вещь въ смыслѣ наивности и правды! Но попробуйте исправить фактуру, придать ей болѣе правильности, болѣе изящества, и все будетъ испорчено. Вы думаете, что Гёте не могъ писать лучшихъ стиховъ?—Онъ *не хотѣлъ*, и тутъ-то онъ доказалъ свое удивительное поэтическое чутье. Есть нѣкоторыя вещи, которыя должны быть выточены; есть другія, которыя имѣютъ право и даже обязаны *не быть* отдѣланными *подъ страхомъ казаться холодными*. Въ языкахъ нѣмецкомъ и англійскомъ дозволяется неправильность риѣмы, какъ и стиха; въ русскомъ же языкѣ дозволяется только неправильность риѣмы. Это его единственная возможность въ поэзіи показываться въ *négligé*. Само собой разумѣется, что я ставлю внѣ вопроса поэзію чистонародную, былины. Эти имѣютъ другія правила и другія права. Онѣ стоятъ на другой почвѣ.

Въ заключеніе скажу: я думаю поступить въ духѣ русскаго языка, оставаясь непоколебимымъ относительно стиха и *позволяя себѣ иногда* нѣкоторыя свободныя отношенія къ риѣмъ. Дѣло

чутья и такта. Или ихъ у меня не хватало? Можетъ быть; но я все-таки стою за принципъ.

Чтобы перейти отъ отвлеченнаго къ конкретному, я вамъ скажу, что я воспользовался 15 днями въ Дрезденѣ, чтобы *вытачивать* первый актъ „Посадника“, и я не думаю, что въ немъ найдется хоть одинъ дурной стихъ, также какъ и въ „Федоръ“, и въ „Борисъ“. А если вы ихъ найдете, назовите ихъ мнѣ, и они будутъ сейчасъ же *казнены*, тутъ же, на мѣстѣ безъ всякаго милосердія. Посадникъ — главное лицо, и, вытачивая стихи, я вытачивалъ его характеръ, который, мнѣ кажется, съ самаго начала поставленъ очень категорично. Я къ этому стремился, такъ какъ въ самомъ началѣ необходимо *не сомнѣваться* насчетъ характеровъ. Экспозиція должна содержать въ себѣ не только сѣмя обстоятельствъ дѣйствія, но и всякаго характера, и читатель долженъ ясно и точно видѣть передъ собой, какого рода зерно находится передъ нимъ, чтобы онъ не имѣлъ *сюрпризовъ* впоследствии. Сюрпризы годятся для комедій, а не для драмы, интересъ которой не долженъ быть основанъ на любопытствѣ зрителя, потому что, еслибы это было такъ, — онъ пошелъ бы смотрѣть на нее одинъ только разъ. Въ виду того, что у меня только *фонъ* картины исторической, я могъ свободнѣе дѣйствовать, чѣмъ въ моихъ предшествующихъ трехъ драмахъ, и сдѣлать изъ всего одно органическое цѣлое, въ которомъ части болѣе туго сплетены. Если Богъ дастъ, еще проживу, я надѣюсь въ Парижѣ или въ Пизѣ окончить мое предпріятіе, только бы мнѣ хватило времени, и я не страдалъ бы отъ „бизы“.

XLVII.

Дрезденъ.—13 (25) 1871.

Примѣръ дурныхъ стиховъ и дурныхъ рیمовъ.—Но!...

Чьей это ты кровью свой мечь обаярилъ 1)...

Мой переводъ не можетъ быть хорошъ; у меня нѣтъ старонгльискаго оригинала, и я долженъ былъ переводить съ нѣмецкаго, что я и сдѣлалъ, насколько возможно вѣрно. Знаете ли вы въ какой-либо литературѣ что-нибудь столь драматичное въ такой упрощенной формѣ? Я былъ совсѣмъ *подавленъ*, когда прочелъ это. Если во время чтенія вы вложите нѣкоторый *драматизмъ* и

1) Баллада Эдвардъ, см. Собраніе Сочиненій.

сомнамбулизмъ... я не повѣрю, чтобы кто-нибудь могъ не быть потрясенъ съ ногъ до головы.

Я это чувствую до сихъ поръ всякій разъ, какъ я это перечитываю, и могу это сопоставить только со сценой *Лэди Макбетъ*.

XLVIII.

Висбаденъ, наканунѣ нашего новаго года—1871.

Любезный человѣкъ, я получилъ ваше письмо насчетъ англійской баллады и тотчасъ же послѣ этого фельетонъ „Русскаго Мира“, въ которомъ говорится нѣсколько хвалебныхъ словъ насчетъ двухъ моихъ стихотвореній.

Вы не повѣрите, насколько я доволенъ, что вы оцѣнили балладу; я нашелъ оригиналъ въ сборникѣ старыхъ англійскихъ стихотвореній. Написано на какомъ-то шотландскомъ идиомѣ, почти что непонятномъ, и начинается такъ: *Guhy dois zour brand sae drop wi blood, Edward, Edward!*—что я и перевожу такъ: *Why does your sword so drop with blood*. Въ концѣ баллады находится слѣдующее примѣчаніе: „Эта любопытная пѣсня передана издателю сэръ-Дэвидомъ Далримплемъ, баронетомъ, покойнымъ лордомъ Гэльсъ“. Я не знаю, какого она вѣка, но мнѣ кажется, по разнымъ причинамъ, что она времени до-нормандскаго покоренія, между прочимъ потому, что говорится не о *замкахъ*, а о *башняхъ* и о *домахъ* (*zour towers and zour ha'*, что по моему значить—*your tours and your hall*). Нѣмецкій переводъ говорить—*Halle und Thurm*, что я и перевелъ: домъ и башня.

Переводъ, которымъ я воспользовался—нѣкоего *Фонтана*.

Есть другой переводъ—*Шлегеля*.

Я счастливъ, что и другіе цѣнятъ это стихотвореніе—столько же, какъ и я.

Какъ красива и непосредственна *наивность* замѣчаній: какъ напр., что кровь ястреба не такъ красна, какъ та, которая покрываетъ мечъ Эдварда!

Или еще, напр., это: конь былъ слишкомъ старъ, чтобы его кровь могла быть такой темной! И объяснительный отвѣтъ Эдварда: „это конь былъ *темно-индой*“.

Какъ вы хотите, чтобы это было произведеніе одного пѣвца?
Это произведеніе всего міра!

Событіе несомнѣнно историческое. Оно въ свое время вѣроятно надѣлало много шума, кто-нибудь переложилъ въ стихи, а другіе стали передавать съ измѣненіями и прибавленіями, и

плачъ вышелъ само собой, съ тѣмъ органическимъ инстинктомъ, который всегда находится въ основѣ всѣхъ произведеній такого рода, — и характерныя черты котораго — сила, правда и простота.

Нельзя сѣсть къ столу и написать такую вещь съ предвзятыми намѣреніями...

Мы провели три дня въ Веймарѣ, гдѣ мы видѣли баронессу Мейендорфъ и вел. герцогиню.

Веймаръ прелестный городъ. Приѣзжайте туда весной, — я думаю что мы тамъ будемъ, и будутъ также, я думаю, Листъ, Вагнеръ, Рубинштейнъ...

Санъ-Ремо.—27 (15) іюля 1875.

Мой дорогой другъ, вотъ уже восемь дней, какъ я здѣсь задержанъ добротой и любезностью нашей императрицы.

Я очень гордъ, что могу вамъ сказать, что уже много лѣтъ, какъ я себя не чувствовалъ такъ хорошо, такимъ свѣжимъ, такимъ бодрымъ... ¹⁾

XLIX.

Изъ письма къ другому лицу (1863 г.) *.

Въ настоящую минуту, когда въ Россіи кипятъ жизненные интересы, когда завязывается и разрѣшается столько общественныхъ вопросовъ, весьма немногихъ занимаютъ предметы мышленія, находящіеся внѣ жизни гражданской.

Чистое искусство уступило мѣсто административной полемикѣ, и художникъ, не желающій подвергнуться порицанію, долженъ нарядиться публицистомъ, подобно тому, какъ во время политическихъ переворотовъ выходящіе изъ домовъ надѣваютъ кокарду торжествующей партіи, чтобы пройти по улицѣ безопасно.

Отдавая полную справедливость непосредственнымъ двигателямъ отечественнаго преобразованія, ставя гражданскую дѣятельность весьма высоко, я не могу однако не упрекнуть враговъ искусства въ нѣкоторой близорукости и односторонности. Они какъ будто забыли, что броженіе вопросовъ, которые такъ сильно и такъ справедливо ихъ занимаютъ, есть не чтд иное какъ примѣненіе къ жизни общихъ теоретическихъ истинъ, не принадлежащихъ исключительно той или другой странѣ, тому или другому вѣку,

¹⁾ Написано за два мѣсяца до смерти.

но составляющихъ достояніе всего человѣчества, въ какія бы то ни было времена.

Уясненіе этихъ истинъ и приведеніе ихъ къ общему закону есть задача философіи, а облеченіе въ художественную форму — задача искусства.

Отвергать искусство или философію во имя непосредственной пользы — все равно что не хотѣть заниматься механикой, чтобы имѣть болѣе времени строить мельницы.

Diese Herren, — какъ выражаются нѣмцы, — „sehen vor lauter Bäume den Wald nicht“.

А по-русски это называется: „слона-то я и не замѣтилъ“.

Велика заслуга гражданина, который путемъ разумныхъ учреждений возводитъ гоударство на высшую степень законности и свободы. Но законность и свобода, чтобы быть прочными, должны опираться на внутреннее сознаніе народа, а оно зависитъ не отъ административныхъ мѣръ, но отъ развитія всѣхъ стремленій, которыя внѣ всякихъ матеріальныхъ побужденій, и которыхъ удовлетвореніе столько же важно для духовной стороны человѣка (безъ нея же никакое общество немислимо), сколько важны для его физической стороны — воздухъ, пища, одежда и пр., и пр....

Эти духовныя стремленія заключаются въ чувствѣ красоты, которое нераздѣльно съ любовью къ искусству для искусства. — Чувство прекраснаго врождено всякому народу и хотя можетъ быть задушено и подавлено въ немъ обстоятельствами, но не иначе, какъ въ ущербъ его нравственному совершенству.

Оно такъ нѣжно и тонко, что легко улетучивается; оно проявляется только въ народѣ, достигшемъ извѣстной степени нравственной развитости, но это и есть признакъ его превосходства надъ матеріальной стороною человѣка. Тотъ народъ, въ комъ оно развито сильно и полно, въ комъ оно составляетъ потребность жизни, не можетъ не имѣть вмѣстѣ съ нимъ и чувства законности, и чувства свободы. Онъ уже готовъ къ жизни гражданской, и законодательству остается только освятить и облечь въ форму уже существующіе элементы гражданства.

Вотъ однако къ чему клонится въ своемъ развитіи мнѣніе о бесполезности искусства, которое въ послѣднее время, къ сожалѣнію, дѣйствовало довольно успѣшно.

Въ самомъ дѣлѣ, наше общество уже перестало сочувствовать чистому искусству.

Въ литературѣ оно требуетъ, чтобы были затронуты тѣ вопросы, которые непосредственно касаются его настоящей жизни

въ настоящую минуту, и не интересуется вопросами общечеловѣческими. При такихъ невыгодныхъ обстоятельствахъ всякій писатель, посвятившій себя искусству для искусства, долженъ опасаться отъ большинства публики холодной или непріязненной встрѣчи.

Таково было и мое положеніе, когда я рѣшился выступить передъ нею съ поэмою „Донъ-Жуанъ“, напечатанной въ апрѣльской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“.

Оставляя совершенно въ сторонѣ литературное достоинство поэмы, которая, быть можетъ, мнѣ не удалась, и которой я ни въ какомъ случаѣ не судья, скажу только, что смыслъ ея былъ общечеловѣческой, а содержаніе не только не относилось къ современнымъ вопросамъ, но заключалось именно въ любви къ прекрасному, безъ всякаго примѣненія къ практической пользѣ.

Это былъ случайный и невольный протестъ противъ пракческаго направленія нашей беллетристики. Не знаю, какъ вообще она была принята публикой, но слышалъ я, что въ одномъ кругу ее даже почли съ моей стороны за неучтивость,—что, молъ, когда дѣло идетъ о мировыхъ посредникахъ, онъ пришелъ толковать намъ о какомъ-то испанцѣ, который, можетъ быть, никогда и не существовалъ.

У тѣхъ, которые это говорятъ, я прошу прощенія и становлюсь подъ покровительство тѣхъ немногихъ, которые еще сочувствуютъ искусству для искусства.

Если „Донъ-Жуанъ“ доставилъ имъ хоть малую долю художественнаго удовольствія,—это послужитъ для меня большимъ утѣшеніемъ...

